

03.06.2009

европа и мы

«Я видел, к чему приводит нежелание понять другого...»

Европа занимает в нашей жизни все более значительное место, мы привыкли говорить «европейские требования», «европейские нормы», «европейские директивы»... Особенно когда речь идет о правах человека или правах меньшинств. Но используем ли мы в полной мере те возможности, которые предоставляет нам Евросоюз?



Пресс-фото.

 Ина ОШКАЯ

На вопросы «Часа» отвечает член Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), председатель подкомитета по выборам судей Европейского суда по правам человека Борис Цилевич.

Чему учат конфликты?

- Борис, вы признанный эксперт в области прав человека не только в Латвии, но и в Европе. Как вам удалось стать профессионалом в этой новой для нас и очень специфической области, ведь по образованию вы физик?

- Так уж случилось, что я одним из первых в Латвии начал серьезно заниматься вопросами, связанными с этническими конфликтами и правами человека. Получил практически второе образование, прошел несколько семинаров, летних школ. В начале 90-х годов я стал участником российско-американской программы по этническим конфликтам под патронажем ООН. Помимо учебы, мы в качестве добровольцев участвовали в проектах по разрешению конфликтов в разных горячих

точках - в Северной Ирландии, на Кипре, на Балканах. В частности, пытались организовать диалог между неправительственными организациями с обеих сторон.

- Что вы вспоминаете об этих поездках?

- Например, Кипр. Остров получил независимость после Второй мировой войны, там жило греческое большинство и турецкое меньшинство. Поначалу это было классическое двухобщинное государство, где права общин очень четко регламентировались. Например, по конституции президентом Кипра мог быть только грек, а вице-президентом - обязательно турок. Закон устанавливал и мельчайшие подробности - например, патологоанатом, производящий вскрытие, должен был быть из той же общины, что и покойный...

Но регламентация не помогла: на острове вспыхнул вооруженный конфликт. Турция пришла на помощь своим соплеменникам, на Кипре высадился 50-тысячный турецкий контингент. В итоге тысячи погибших и классическая этническая чистка: все греки бежали из северной части острова в южную часть, а все турки-киприоты - из южной в северную. Остров оказался разделен на две части линией фронта. Кровапролитие удалось остановить только с помощью миротворцев ООН.

Мы переходили линию прекращения огня (так называемую зеленую линию) пешком. С одной стороны - турецкая часть, с другой - греческая, а между ними - полторы сотни метров выжженной земли. Там все оставалось как было во время войны: разрушенные здания, обломки... Эти 150 метров говорят об этническом конфликте больше, чем можно где-либо прочитать.

А в Ольстере самое сильное впечатление - стена, которая разделяет Белфаст. С обеих ее сторон красуются милые домики с садиками, типичная британская провинция... Но торцевые стены домов покрыты граффити: до зубов вооруженные люди, тщательно прорисован каждый патрон. И рядом играют дети, смотрят на это. И растут в атмосфере ненависти к тому, кто живет рядом...

- Есть ли в этноконфликтах что-то общее? Можно ли, проанализировав конфликты в разных странах, сделать главный вывод?

- Вывод банален - я видел, к каким последствиям приводит отсутствие уважения и желания понять другого. Отсутствие согласия. Позже, когда я стал депутатом Сейма и членом ПАСЕ, мне пришлось в качестве докладчика о положении беженцев бывать на Балканах и на Кавказе.

Несколько лет назад мы с представителем верховного комиссара ООН по делам беженцев ехали из Черногории в Косово, и на перевале мне позвонили из Риги. Я ответил, естественно, на русском, и меня сразу предупредили: не говорите в Косово по-русски! Несколько дней назад там убили болгарина, сотрудника ООН, - он неосторожно заговорил на улице на болгарском, который похож на сербский... Такой опыт заставляет посмотреть на языковую политику несколько иначе.

- Представители международных организаций в районах конфликтов нередко становятся заложниками враждующих сторон...

- Однажды меня хотели взять в заложники в лагере беженцев в Грузии. Правда, я узнал об этом пару лет спустя, один из авторов этой «инициативы» сам рассказал. По его словам, они тогда передумали, потому что я приехал без охраны, говорил откровенно, не читал им морали...

Вообще когда я бываю где-то как эксперт или представитель ПАСЕ, то всегда

стараясь встретиться не только с министрами и депутатами, но и с правозащитниками, организациями меньшинств, беженцами. Иначе вмешательство международных организаций превращается просто в политический туризм. Очень важно, насколько активно и профессионально работают сами правозащитные организации и оппозиция.

Европа как рычаг

- И как на общем фоне выглядят русскоязычные организации Латвии?

- Нам есть чему поучиться. Наша главная проблема: мы слишком часто «ищем под фонарем». Собираемся, пишем статьи, долго и горячо говорим друг другу, что то-то и то-то плохо. Но наши пылкие речи никак не влияют на процесс принятия решений, он спокойно развивается параллельным курсом.

- И что же делать?

- Использовать методы, с помощью которых можно реально влиять на ситуацию, а не просто выпускать пар. К сожалению, блеф в латвийской политике, в том числе и в «русской», стал обычным делом. Когда русскоязычный избиратель стал реальной силой, появилось множество трибунов, которые рвут на груди рубаху и обещают едва ли не за месяц решить все «русские проблемы» - мол, только проголосуйте за меня!

- Многие говорят: что нам сегодня Европа, у нас своих проблем полно!

- В течение многих лет правые партии отказываются от прямого диалога с оппозицией и просто продавливают выгодные для себя решения, пользуясь тем, что несправедливый закон о гражданстве лишил права голоса большинство русскоязычных латвийцев. Так что европейские структуры - это самый мощный рычаг воздействия на наших правящих. Практически все изменения к лучшему в Латвии происходили в результате давления Европы!

Но, конечно, Европа сама не станет решать наши проблемы. Нам необходимы политическое представительство и профессиональная работа наших депутатов в Страсбурге и Брюсселе. Нужны и грамотные действия на уровне неправительственных организаций. И у нас есть немало активистов, к которым Европа прислушивается: блестящие юристы Алексей Димитров и Леонид Райхман, выигравшие немало судебных процессов на всех уровнях, лидеры неправительственных организаций Игорь Пименов, Елизавета Кривцова, Владимир Соколов, Игорь Кузьмук и многие другие.

Профессиональный подход

- Так какой же способ защищать свои права самый лучший - участие в политике, через суд, через неправительственные организации?

- Надо использовать все методы, в каждой конкретной ситуации выбирать самый эффективный - это я понял еще в те времена, когда занимался наукой, компьютерным моделированием. Так и стремился поступать. В начале 90-х огромное влияние имела пресса, газеты выходили огромными тиражами, к мнению журналистов прислушивались. Я стал регулярно писать политические комментарии, анализировать ситуацию с точки зрения прав человека. Потом на первый план вышли неправительственные организации, к ним прислушивались европейские структуры. Я участвовал в создании первых правозащитных групп в Латвии. Пришлось учиться, освоить принципы организации работы НПО, в совершенстве

выучить английский. Еще в конце 1992 года я составил список различий в правах граждан и неграждан, который был опубликован и в латвийской прессе, и в Европе. Тем самым удалось привлечь внимание к дискриминации неграждан.

- Но эта проблема актуальна и сегодня...

- И будет - пока все неграждане не станут гражданами. Но в результате наших усилий и под давлением Европы ситуация все же несколько улучшилась. Сегодня уже мало кто помнит, что еще в середине 90-х неграждане были лишены, например, социальных пособий во многих самоуправлениях, скажем, в Риге, где тогда безраздельно правили национал-радикалы, пособие на отопление получали только малоимущие граждане... Пришлось научиться и работе в судах. Некоторые латвийские законы прямо противоречили международным нормам, в таких случаях судебный путь - самый прямой. Особенно горжусь победой в Конституционном суде, когда были признаны неконституционными и отменены ограничения на использование русского языка на частных ТВ-каналах и радиостанциях.

- А как попали в политику?

- Поначалу ДГИ отказался регистрировать меня как гражданина Латвии, хотя по закону я имел на это право. Пришлось судиться, на это ушло почти три года. В это время стал одним из учредителей Партии народного согласия. А когда выиграл суд и получил паспорт гражданина, мне предложили баллотироваться по списку ПНС. Стал депутатом Рижской думы, потом - Сейма. И добивался тех же целей, защищал права человека, уже используя возможности депутата.

- А как получили «европейский» опыт?

- Уже с 1999 года я представляю свою партию в Парламентской ассамблее Совета Европы - это общественная работа, я это делаю без зарплаты наряду с обязанностями депутата Сейма. Снова пришлось многому учиться, опыт правозащитной работы помог быстрее освоиться. Конечно, поначалу на меня косились, ведь депутаты из правых партий про русскоязычную оппозицию чего только не рассказывали! Пришлось делом доказывать, «кто есть ху». Постепенно мне стали поручать важные доклады, выбирать на ответственные должности. И сейчас нередко получается, что все остальные члены латвийской делегации в ПАСЕ говорят одно, а я другое - но мне удается убедить европейских коллег в своей правоте. Авторитет в Европе - ценный капитал, который нелегко зарабатывается. Этот авторитет, знания, опыт, владение языками, понимание, как работают европейские механизмы, - все это необходимо, чтобы успешно использовать Европу, этот мощный инструмент, для того чтобы защитить права и улучшить жизнь жителей Латвии.